

**Путевые впечатления художника и литератора Н. Каразина
от поездки по Финляндии
(на пароходе от СПб в Котку, затем Ланген-Коски и Иматра)
Журнал "Нива" 1896 г. №№1, 2**

Нѣсколько дней въ „странѣ сосны и гранита“.

Очеркъ Н. Н. Каразина.
(Съ 18 рисунками.)

Пароходъ „Оулу“ отходитъ отъ пристани, противъ 11-й линіи Васильевскаго острова, въ 7 часовъ вечера.

Стрѣлки карманныхъ часовъ показываютъ семь, — ихъ показаніе подтверждается мелоди-

ческимъ звономъ столовыхъ часовъ изъ салона перваго класса... Признаковъ скорого отхода не замѣчается... Мостки не сняты, на палубѣ толпятся посторонніе: провожающіе и просто любопытствующіе...

— Ничего! ломаннымъ русскимъ языкомъ успокаиваетъ безпокойныхъ, петербургскихъ пассажировъ приземистый, широкоплечій финнъ-кантейнъ и, какъ финнъ, конечно, съ трубочкою въ зубахъ. Но онъ только и знаетъ по-русски—это „ничего“,—остальное онъ уже доканчиваетъ по-фински.

По его мнѣнію,—это таможня виновата, съ своими вѣчными придирками и формальностями.

— Но что дѣлать! заканчиваетъ онъ свое объясненіе.—Мы еще пока въ Россіи.

Наконецъ, желанный свистокъ. Всѣ три звонка давно уже прозвонили, своевременно.

— Долой ходи! Ходи назадъ!.. Топъ!.. Ходи впередъ!.. Топъ!.. Тяжелая петля причала, снятая съ надолби пристани, грузно

Библиотека "Руниверс"

шлепнулась в воду; пароходъ повернулся на кормѣ, какъ на пяткѣ, и мы очутились носомъ къ устью Невы.

— Перѣдь!..

Идемъ малымъ ходомъ, среднюю фарватера; направо тянется людная, оживленная набережная Васильевского острова, сплошь, мѣстами даже въ два ряда, занятая разнообразными морскими судами; лѣвѣе — эллинги новаго адмиралтейства и пять колоссальныхъ желѣзныхъ „утюговъ“, ошвартованныхъ накрѣпко. Это будущіе грозные наши броненосцы, но они еще не приведены въ окончательный видъ и пока еще не представляютъ собою ничего грознаго. Слово простая шлюпка, проходитъ мимо нихъ нашъ маленькій каботажный пароходъ. Работа, говорятъ, кипитъ на этихъ гигантахъ, но снаружи замѣтны только кое-гдѣ крохотныя, движущіяся точки, да звонко пощелкиваютъ незримые молотки.

Вотъ и самая горячая устья. Стройныя геометрическія линіи Петербургскаго порта, причудливая бесѣдка,—остатокъ торжества открытія канала, лязгъ цѣпей паровыхъ крановъ, захватывающихъ, словно гигантскія руки, все, что нагромождено на берегу, и перекладывающихъ это все въ ненасытныя утробы двухъ дѣйствительно утробистыхъ англійскихъ пароходовъ, цѣпля тучи угольной пыли въ воздухѣ и жиденькая полоска зелени по гребнямъ дамбы... Крунная наднишь на четырехъ языкахъ невольно бросается въ глаза; эта наднишь приглашаетъ всѣ идущія каналомъ суда не торопиться. Быстрый ходъ разводитъ волненіе, а волненіе портитъ эскарны дамбы.

Прохождение каналомъ, до его открытаго конца, занимаетъ поэтому почти часть времени.

Мы теперь идемъ полнымъ ходомъ, и передъ нашими глазами, на слегка-туманномъ горизонтѣ, развертывается вся панорама Кронштадта съ его батареями.

Солнце садится за силуэтами фортовъ. Гдѣ-то гулко грохнула зарева пушка, — по закону наступила морская ночь, и хотя еще совершенно свѣтло, но фонари выносятся на палубу и ставятся на свои мѣста: бѣлый ползетъ на мачту, цвѣтные, красный и зеленый — по бортамъ. Это именно тѣ злосчастные фонари, которые вѣчно перенутовываются при столкновеніи судовъ во время плаванія. А вѣдь какъ, подумаешь, просто! Увидать ночью, во мракѣ передъ собой, зеленый огонь, — самъ покажи зеленый; увидать красный, — самъ тоже покажи, и разоидешься прѣблагополучно. Но въ томъ-то и дѣло, что обыкновенно случается такъ, что тотъ вираво, а этотъ вѣрво, тотъ спохватывается во-время, — увертывается, этотъ желаетъ тоже

блюдь; ко всему этому подается водка, коньякъ, пушгъ и прочіе горячительные напитки, ибо финны пьютъ много и выбираютъ для этого что покрѣиче.

Заплативъ марку, вы можете насыпаться сколько вамъ угодно. Затѣмъ, въ свое время, обѣдь изъ пяти блюдъ; затѣмъ вечеромъ, опять чай и секса. Однимъ словомъ, самый прожорливый путешественникъ, съ удвоеннымъ вслѣдствіе морской воздуха аппетитомъ, не рѣшится сказать, что ему мало.

На все назначено свое точное время, и прислуга терпѣть не можетъ, когда ее тревожатъ не своевременно. Все здѣсь дисциплинировано, но приватною любезностью не отличается; по-русски никто изъ финновъ не говоритъ и не понимаетъ, или притворяется непонимающимъ, къ другимъ европейскимъ языкамъ относятся нѣсколько снисходительнѣе. Тринк-гельдъ очень уважаютъ и называютъ — единственное исключеніе — по-русски, — „на чай“.

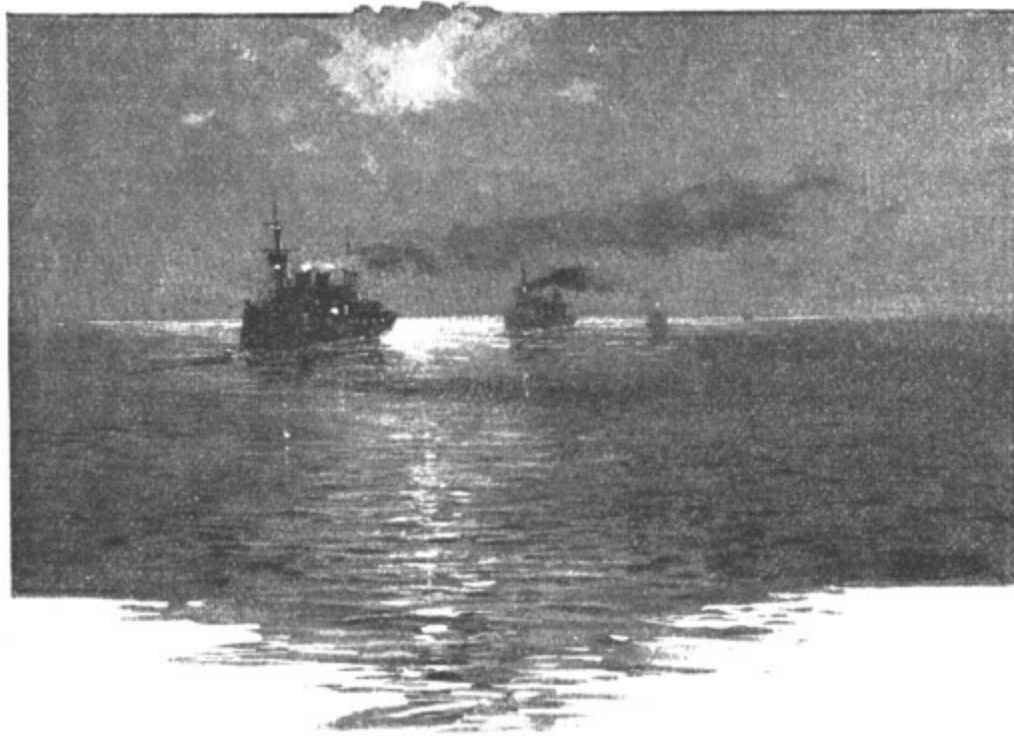
Когда всѣ провожающіе и сторонніе люди покинули палубу „Оулу“, то, къ великому удовольствію оставшихся, оказалось, что пассажировъ немного и размѣститься можно будетъ просторно. Двое изъ моихъ спутниковъ оказались профессора московскаго университета; оба съ своими супругами, путешествовали специально для отдыха послѣ профессорскихъ трудовъ и, вмѣсто лѣтней дачи, избрали прогулку по финляндскимъ и шведскимъ шхерамъ. — прекрасный выборъ! Наблюдательные и общительные люди, мои спутники оказались — пріятнѣйшими собесѣдниками, и, собравшись въ тѣсномъ салонѣ за обильною сексою, мы такъ заговорились, что намъ даже напомнили о необходимости очистить салонъ для уборки. Расходиться по своимъ каютамъ-спальнямъ еще не хотѣлось, и мы поднялись наверхъ продолжать на время прерванную бесѣду.

Вышли на палубу и смолкли, очарованные картиною, развернувшейся передъ нашими глазами.

Лунная ночь, таинственная, окутанная легкимъ золотистымъ туманомъ, стояла надъ покойнымъ безбрежнымъ моремъ. Широко, свѣтло разлилось на горизонтѣ сверкающее золотыми блестками отраженіе луны, ближе къ намъ угасая во мракѣ. Легкія, прозрачныя облака неслись гдѣ-то высоко, но здѣсь, внизу, было тихо и покойно. „Оулу“ шель полнымъ ходомъ, оставляя рѣзкій свѣтящейся слѣдъ за собою. Во мглѣ, далеко, тамъ и сямъ, то погасая, то вспыхивая ярко, мигали одинокіе маяки. Вотъ, чуть-чуть очерчиваясь на общемъ тонѣ ночного мрака, показались какія-то сонныя парусныя шхуны, съ лѣниво обвѣсивши парусами, — волна „Оулу“ ихъ разбудила, и онѣ колыхнулись, словно спящая погнулись лѣниво. Вотъ лѣвѣе выступаетъ изъ мрака что-то поистинѣ грозное, величественное; трехглазое чудище надвигается все ближе и ближе, грозя своими пылающими очами, — это какой-то военный корабль прошелъ у насъ съ лѣваго борта; отъ его могучей волны „Оулу“, въ свою очередь, закачался, какъ щенка, и скоро все исчезло изъ глазъ, снова мы одиноки въ этомъ океанѣ смѣшенія мрака и свѣта... А какой воздухъ, какая бархатная, окутывающая васъ теплота... Вотъ вамъ и Балтика!.. Забываешь, что на Сѣверѣ, здѣсь, въ угрюмой странѣ глубокихъ фюрдовъ, гранита и сосны, въ странѣ соленой салаки и вонючихъ чухонскихъ трубокъ-носогрѣекъ... Нѣтъ, это Адриатика, это море Юга, море любви и баркаролы!.. Впрочемъ, намъ воистину везетъ съ самаго начала путешествія: — подобныя ночи на Балтикѣ бывають, но только какъ рѣдкое исключеніе.

Далеко за полночь... усталость начинается брать верхъ надъ поэтическими восторгамъ, и мы, налюбовавшись вволю и пожелавъ другъ другу покойной ночи, расходимся по своимъ спальнямъ. Къ чести финскихъ шкиперовъ и капитановъ, можно вполнѣ довѣрять ихъ бдительности и опыту и спать спокойно, если не совсѣмъ уже какъ дома, то, по крайней мѣрѣ, какъ въ дорпорядочномъ отелѣ, на сушѣ. Убаюкивающей, ласкающей ронотъ моря, даже сквозь желѣзныя стѣны парохода, достигаетъ вашего слуха. Спитесь хорошо и крѣпко.

Лязгъ и грохотъ якорной цѣпи, да еще чуть не надъ самую голову, разбудить хоть какого богатыря на сонѣ. Взглянувъ я въ круглый иллюминаторъ, да ничего не видно: окошечко это уперлось въ мокрый бортъ сосѣдняго судна, — видно только, что стало свѣтло. Одѣлся, вышелъ на палубу, а по ней бѣгутъ потоки грязной воды, и два матроса, засучивъ до колѣнъ панталоны, усердно ѣрзають жесткими швабрами, — чистоту наводятъ; вода изъ помпы обильно поливаетъ все, что только по-

исправить свою ошибку, и опять приводитъ свой носъ въ угрожающее положеніе, — ну, точъ-въ-точъ, какъ два очень вѣжливыхъ пѣшехода толкуются другъ передъ другомъ посредникъ широкаго тротуара.

Вечеръ теплый, видъ неба обѣщаетъ покойную ночь, пассажиры, не переносящіе морской качки, успокаиваются. Впрочемъ, наше плаваніе береговое: вотъ только отъ Кронштадта, часовъ на семь-восемь хода открытымъ мѣстомъ, а тамъ пойдеть все шхерами, въ затншь, гдѣ даже въ сильную бурю волны не разводять.

Пароходъ „Оулу“, какъ я уже сказалъ, небольшой каботажный пароходъ для почтово-товаро-пассажирскаго плаванія по всѣмъ безчисленнымъ изгибамъ финляндскихъ береговъ. Такъ какъ пароходъ этотъ есть кусочекъ Финляндіи, то и обладаетъ главнѣйшими достоинствами этой страны: дешевизною, чистоплотностью и уютностью. Салонъ перваго класса, маленькій, но комфортабельный, каюты-спальни снабжены удобными постелями и безукоризненно-чистымъ бѣльемъ, женская прислуга одѣта съ иголочки; кормятъ обильно, но не вкусно: утромъ кофе, чай, какао или молоко, по желанію; затѣмъ, вѣчна: „секса“ — это въ родѣ того, что мы называемъ закускою, обильно составленная изъ всевозможныхъ сортовъ вяленой, соленой и конченной рыбы, маринованной зелени, сыру и двухъ горячихъ

надега подь ея струю; изъ желѣзной трубы камбуза вьется голубоватый дымокъ, за бортомъ, гдѣ-то вьнизу, шипитъ выпускаемый паръ, а кругомъ стѣною стоитъ туманъ, снизу холодный, снизу, выше золотисто-розовый, и въ этомъ туманѣ чуть замѣтными прозрачными силуэтами рисуются поросшія соснами, скалистыя шхеры, а дальше какія-то длинныя каменные зданія, острый шпиль церкви, грузовыя пакгаузы и группы чистенькихъ домиковъ. И все это, съ каждою минутою, все легче и легче выступаетъ изъ вѣдръ утренняго тумана, ярче и ярче заливается золотымъ свѣтомъ восходящаго солнца. Гребни суда по вѣсѣмъ направленіямъ чертятъ гладкую, зеркальную поверхность фьорда, въ воздухѣ пріятная свѣжесть, даже холодновато немного, но тихо-тихо, ни одинъ флагъ не шелохнется, и дымки надъ трубами прибрежныхъ домиковъ поднимаются прямо вверхъ, лѣниво разсѣиваясь въ этомъ утреннемъ воздухѣ.

Это мы стали на якорь у Фридрихсгама. Конечно, опять маленькія таможенныя неприятности. Нашъ пароходъ хоть и финляндскій, да вѣдь онъ прибылъ „изъ-за границы“, изъ другой, соседней державы, „изъ Россіи“—нельзя же!.. Походили чиновники-финны, поноухали и уѣхали. Пассажиры стали вынолзать

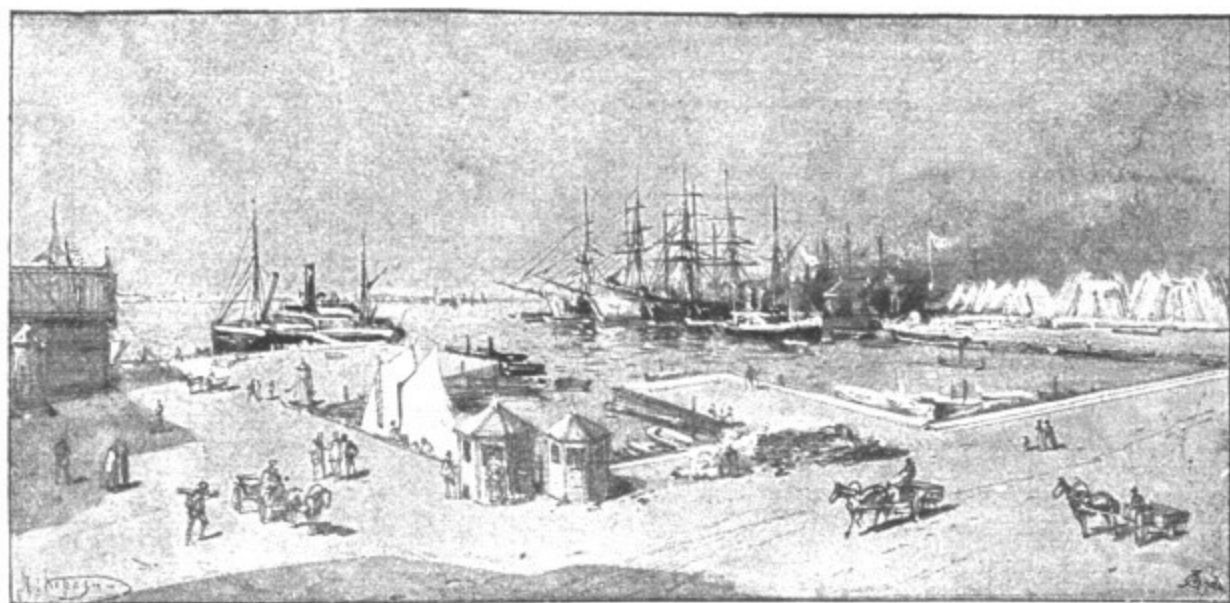

изъ каютъ наверхъ, хотѣли было на берегъ съѣхать, осматривать достопримѣчательности, но капитанъ не совѣтовалъ, ибо смотрѣть нечего, а ждать онъ никого не станетъ, потому что сейчасъ снимаемъ съ якоря и продолжаемъ путешествіе. Резонъ!

Постояли съ часъ, спились и ходко пошли, лавируя въ шхерныхъ извилинахъ проходахъ. А дѣйствительно шхеры красивы! Сначала даже вамъ вѣжется, что ихъ разнообразныя формы мѣняются, какъ фигуры въ калейдоскопѣ, но скоро вы начинаете замѣчать, что эти варианты повторяются все чаще и чаще, и даже скоро начинаютъ надоедать вамъ своимъ угрюмымъ, тоскливымъ характеромъ. То поднимается скалистый островокъ, съ округленными отъ прибой краями, голый, безъ всякой растительности, то такой же, но только поросшій жидкими, приземистыми соснами, Богъ вѣсть чѣмъ цѣпляющимся въ расщелинахъ гранита, то только головки подводныхъ, острыхъ камней едва показываються надъ поверхностью моря,—группами и разсѣянными тамъ и сямъ по одиночкѣ. Дорога въ шхерахъ не безопасна, если бы весь путь не былъ ясно обозначенъ вѣхами и условными знаками, намалеванными крас-

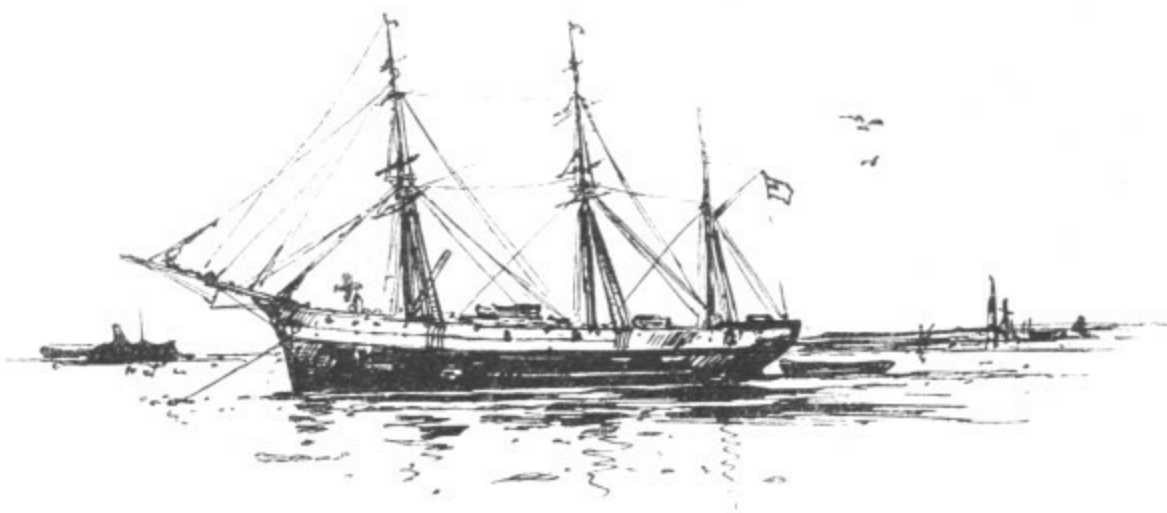
ною и бѣлою красками на самыхъ камняхъ. Въ туманѣ не ходягъ вовсе, даже опытные, мѣстные жители. Станъ бѣлыхъ чаекъ-рыболововъ съ крикомъ носятся надъ моремъ, шумли-

выми обществами уѣзываютъ скалы, зорко выслѣживая неосторожныхъ рыбъ. И какъ ловко, безъ промаха, выхватываютъ онѣ этихъ чешуйчатыхъ обитательницъ моря, унося ихъ въ другую, не совсемъ для нихъ пріятную стихію. А вотъ и люди-рыбаки, съ своими мережами, разставленными на ночь; эти мережи какъ разъ теперь осматриваютъ.

„Оулу“ проходитъ мимо очень близко, и мы становимся небольшими минутными участниками въ этихъ осмотрахъ—ловъ обильный!

Отъ Фридрихсгама до Котки—цѣли нашей поѣздки,—переходъ не великъ—часа три, не больше. Съ мостика „Оулу“ давно уже видно вдаль что-то свѣтлое, ярко выдѣляющееся на монотонно-сѣромъ фонѣ гранита. Зданія—не зданія, не разберешь толкомъ. Густые столбы дыма тянутся по всему горизонту, торчатъ высокія заводскія трубы,—это и есть Котка, небольшое мѣстечко, выросшее въ продолженіе всего двадцати лѣтъ въ богатый торговый центръ, одинъ изъ важнѣйшихъ въ уютной Финляндіи. Здѣсь двумя рукавами впадаетъ въ море рѣка Кюмень. Одинъ ея рукавъ сильно порожистъ и мелководенъ и не годится для слага, другой же—безъ пороховъ, съ круглымъ наденіемъ, образующій верстахъ въ пяти отъ устья серьезный водопадъ, такъ и называемый по имени рѣки—кюменскій. Рѣка эта протекаетъ въ берегахъ, обильно поросшихъ строевымъ лѣсомъ. Одному предприимчивому финну пришло въ голову построить здѣсь лѣсонильный заводъ. Предприниматель сдѣлалъ изслѣдованія шхерныхъ проходовъ, освѣтилъ шхеры, т.е. помѣтилъ знаками фарватеры, завелъ сношенія съ англійскими, любекскими, шведскими и датскими лѣсоротворцами—

и скоро тамъ, гдѣ только кое-гдѣ ютились бѣдныя поселки рыбаковъ, въ заливахъ, гдѣ только плавали рыбацкія лодченки, появились десятки большихъ, трехмачтовыхъ парусниковъ, подъ разными флагами. Дѣла пошли ходко, къ одному лѣсонильному заводу прибавились десятки другихъ, къ десяткамъ кораблей прибавились сотни, всѣ берега покрылись штабелями тесу и досокъ... Это именно то, что мы видѣли издали и не могли опредѣлить, что именно... Тесъ и доски нужны, для укладки въ трюмы, мѣрные. На берегахъ выросли груды опилокъ. Куда ихъ дѣть? Прибываетъ лѣсъ, растутъ эти груды, засаривая берега, занимая зря нужное мѣсто,—ихъ жгутъ день и ночь, жгутъ безъ конца, безъ сожалѣнія, ибо нужна зола для поташу, а поташъ нуженъ для стекляннаго завода, выросшаго здѣсь именно благодаря только данному обстоятельству.

Большой островъ, какъ разъ противъ дельты Кюмени, занять собственно городомъ. Весь берегъ этого острова, съ сѣверной стороны, обдѣланъ плитнымъ гранитомъ и бревенчатыми стѣнами, образуя сильно ломаную линію превосходныхъ пристаней. Широкая набережная прорѣзана рельсовымъ путемъ, немного восточнѣе—станція желѣзной дороги, вѣтъ—

главнаго рельсоваго пути на Выборгъ и Гельсингфорсъ, прорѣзывающаго всю страну сосны и гранита, — Финляндію.

Постоянныхъ жителей Котки немного, кажется, всего около тысячи человекъ, но прибылаго рабочаго люда набирается лѣтомъ, въ горячую пору навигаціи, тысячъ до двадцати. Работа кипитъ, и на большомъ роченсальскомъ рейдѣ, западномъ, снуютъ многочисленныя пароходки, поддерживая сообщеніе между островомъ и материковыми берегами и большими парусными кораблями, вытянувшимися вдоль всего рейда стройными, красивыми линіями.

Все эти суда очень типичны; они выстроены исключительно для перевозки досокъ и вообще строеваго лѣса — товаръ громоздкій, торопливой доставки не требующій, а потому паровой

двигатель ему не пужень. Парусныя фрахты дешевле втрое и вчетверо противъ паровыхъ и позволяютъ держать низкія цѣны на доставляемый лѣсъ — главное преимущество финляндскаго лѣснаго матеріала передъ другими. Для художника видъ такихъ кораблей, конечно, представляетъ больше интереса, чѣмъ неуклюжія, мрачныя формы пароходовъ. Окрашенные въ разнообразныя цвѣта, со своими легкими, стройными рангоутами, эти корабли, расцвѣченные національными флагами, представляютъ чрезвычайно красивую картину, оживляя рейдъ ярко, отчетливо рисуясь на синевѣ неба и моря. „Оулу“ подошелъ и ошвартовался у пристани Котки въ семь часовъ утра, но городъ, видимо, давно уже проснулся, и жизнь кипѣла во всѣхъ его углахъ и закоулкахъ.

(Окончаніе будетъ.)

Нѣскольکو дней въ странѣ „сосны и гранита“.

Очеркъ Н. Н. Каразина.
Съ 18 рисунками. (Окончаніе.)

Близъ набережной, почти противъ станціи желѣзной дороги, надъ моремъ возвышается гранитная скала, самая высокая точка острова; подняться на нее можно очень удобно по лѣстницѣ, частью вырубленной въ самой скалѣ, частью деревянной. Съ вершины этой скалы открывается грандіозный видъ на оба рейда: лѣвѣе—малый; правѣе пролива, отдѣляющаго островъ отъ материка,—большой. На маломъ рейдѣ, въ настоящую минуту, стоитъ военный корабль—блокшивъ „Баянъ“, когда-то лучший нашъ крейсеръ-фрегатъ, нынѣ, за старостью лѣтъ, низведенный въ званіе блокшива для обученія младшихъ ротъ Морского корпуса. Бѣлый корпусъ „Баяна“ яркимъ пятномъ красуется издали—оттуда огчаливаютъ катера и лихо гребутъ къ пристанямъ Котки. Военная гребля плавная, мѣрная, не торопливая, но тѣмъ не менѣе ходкая. Вонъ видѣется дамба желѣзной дороги съ острова на материкъ, вонъ мостъ, съ его ажурною аркою... а тамъ опять трубы лѣсопильныхъ заводовъ, города—штабелей лѣса, — оголенные граниты и дальше, переходящія во вѣб слабѣющіе тоны синева,—лѣсныя поросли... сосна, сосна, сосна, изрѣдка бѣлыя стволы березы и гранитныя скалы, гремящія между этихъ скалъ ручьи, болотныя тоны въ низинахъ... Дикая, бѣдная страна! Именно страна *сосны и гранита!*

Гостиница, временно пріютившая насъ въ Коткѣ, оказалась превосходна. Щегольское деревянное зданіе, на природномъ гранитномъ фундаментѣ, просторныя, высокія залы, безукоризненная чистота и все, что только требуется для комфорта. Конечно, при томъ неизбѣжная „сека“ и чопорныя „фрекенъ“, полное пренебреженіе къ какому бы то ни было языку, кромѣ шведскаго и финскаго, ставящаго насъ, путешественниковъ, часто въ самое затруднительное положеніе.

У пристани можно нанять парходикъ, за пять марокъ въ часъ, а въ глухое время даже гораздо дешевле; на такомъ парходикѣ вы можете комфортабельно осматривать окрестности Котки: конечно, первымъ дѣломъ, кюменскій водонадъ, затѣмъ каскады Ланге-Коске, имѣніе Государя Императора,

дикой красоты, съ тѣхъ поръ какъ его сковали сверху мостомъ, съ боковъ шлюзами, когда вилотную около него поднялись тяжелыя стѣны завода, работающаго посредствомъ турбинъ, силами этого могучаго паденія. Въ настоящую минуту по самому

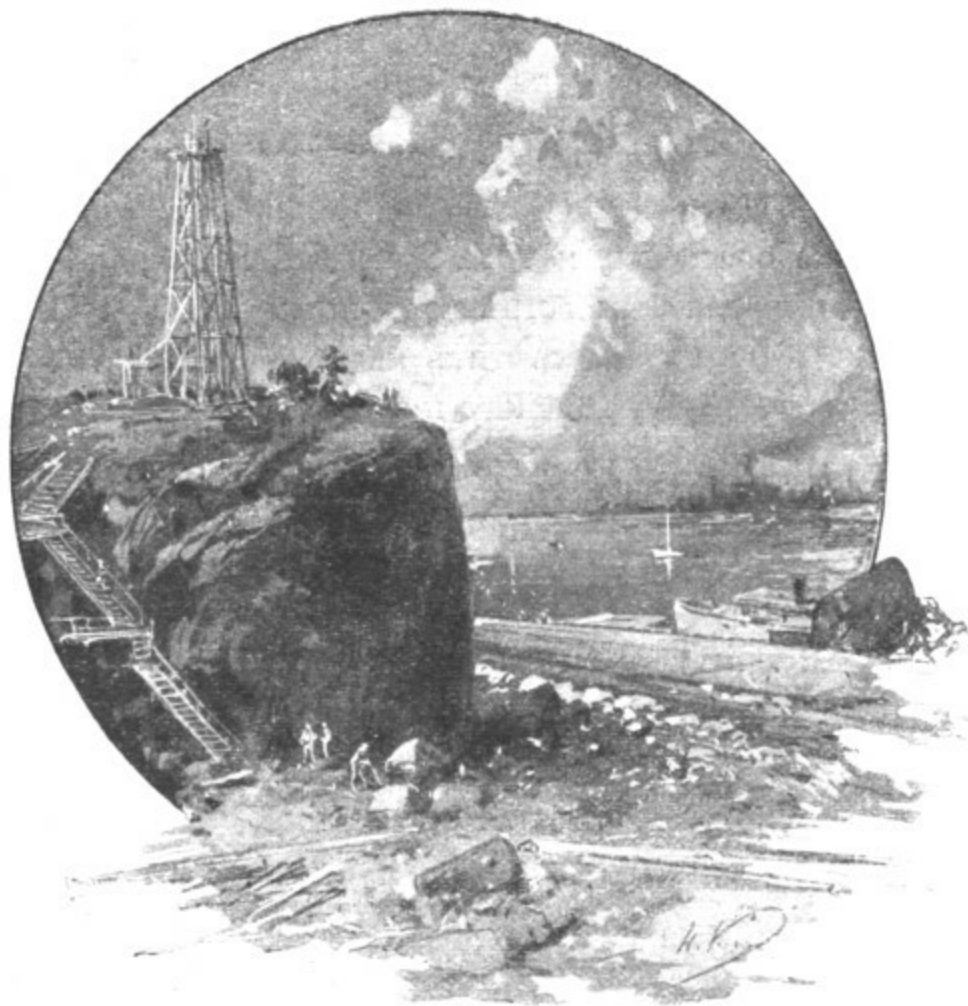
водонаду спускали массы славнаго кюменскаго лѣса. Громадныя бревна, словно сички, летѣли внизъ, исчезали на мгновеніе въ пучинѣ и вновь вылетали оттуда, борясь другъ съ другомъ, сталкиваясь съ глухимъ стукомъ, вновь ныряя и вновь вырываясь на свободу. Казалось, что идетъ смертельная, бѣшеная борьба живыхъ существъ, въ этихъ ревущихъ

волнахъ и всплескахъ, въ этихъ облакахъ водныхъ брызгъ и пыли... Но далѣе борьба стихаетъ, бревна попадаютъ ниже, въ болѣе спокойное теченіе и несутся въ море, гдѣ ихъ перехватываютъ и сортируютъ по клеймамъ, въ особыхъ, приспосабливаемыхъ для этого постройкахъ. Чтобы сохранить судоспособность этого рукава, весь его фарватеръ раздѣленъ пловучими—скованными желѣзными цѣпями—бревнами, растопутыми между сваями; такимъ образомъ, рѣка вдоль раздѣлена на двѣ половины: одна свободная, для прохода судовъ, другая—всѣцѣло предназначенная для сплава. Вся поверхность воды вдоль берега покрыта сплошнымъ слоемъ пловучаго лѣса, на берегу работаютъ лебедки, для вытаскиванія бревенъ на сухое мѣсто, тысячи рукъ заняты складываніемъ мокрыхъ бревенъ въ связные штабеля для предварительной просушки... Работа кипитъ, но это какал-то особенная работа,—безъ говора, безъ смѣха, угрюмая, молчаливая—финская работа, со строгимъ учетомъ не только оплаченныхъ часовъ, но даже минутъ, чтобы ни одно „нени“ не пропало даромъ...

Для второй поѣздки, на каскады Ланге-Коске, въ „Государево помѣстье“, намъ выслали съ „Баяна“ двѣнадцати-весельный катеръ, подъ военнымъ флагомъ. Конечно, мы сдѣлали предварительный визитъ на палубу „Баяна“, гдѣ насъ встрѣтили съ немыслимымъ обычнымъ гостепрійствомъ нашихъ моряковъ. Захватили чаю, разной провизіи, добрый запасъ вина—и отправились на каскады совместно, устроивъ веселый, импровизированный никникъ.

Вылетая на свободу—правый протокъ Кюмени встрѣчаетъ гранитную гряду, сквозь которую прорывается съ изумительною дерзостью и силою... Давно уже прорвана и раздроблена эта каменная преграда, но еще громадныя глыбы встрѣчаютъ напоръ воды, борются съ нею, пытаются загородить путь, но напрасно. Надъ самымъ бойкимъ мѣстомъ этой вѣковой борьбы и построены уютный, изящный домикъ въ характерѣ мѣстнаго крестьянскаго жилища, только гораздо большихъ размѣровъ, снабженный всѣмъ необходимымъ для жизни, въ томъ же мѣстномъ типѣ. Здѣсь, на скалѣ, подъ самою стремниною потока, покойный императоръ Александръ III любилъ подолгу сидѣть на скамейкѣ, любясь каскадомъ, слѣди за рыбною ловлею, устроенною на самой быстринѣ потока... Здѣсь ловятся превосходныя сига и лаксъ-форели... Рыба пытается идти противъ теченія, устаетъ въ борьбѣ съ каскадами и охотно ищетъ попутно болѣе спокойнаго мѣста для отдыха... Вотъ

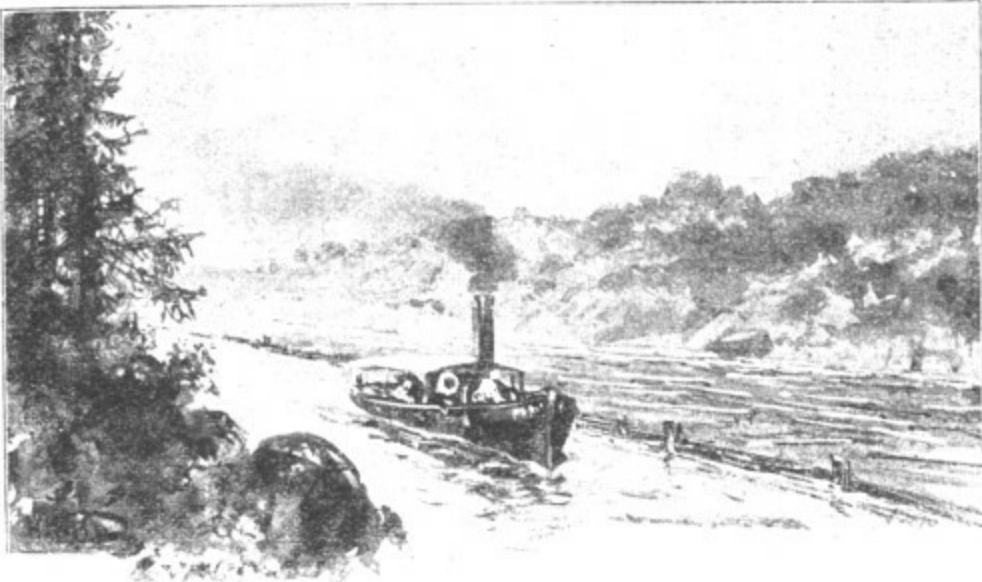

Роченсальскій рейдъ, мѣсто злополучной битвы со шведами нашего молодого флота, островокъ съ развалинами знаменитаго форта Славы и другія достопримѣчательности. Отдохнувъ въ нашемъ „Сосвететъ-Гаузъ“—названіе гостиницы, мы наняли такой парходъ и отправились въ экскурсію.

Кюменскій водонадъ много утратилъ своей первобытной,

такія-то спокойныя мѣста — заводи и устраниваютъ искусственно у береговъ, отводи быстрину прочими заплатами. Тутъ и сконпляется на отдыхъ рыба, попадаая затѣмъ въ сѣти рыболовамъ.

При насъ въ нѣсколько минутъ вытащили такимъ образомъ десятка два превосходныхъ сига и двѣ лосося... Кроме

того, всюду между камнями видѣются плетеные снаряды для ловли минюга; — именно здѣшнія считаются лучшими по своему сорту — по кунить здѣсь рыбы нельзя: — это ловли государевы, рыбаки по найму отъ министерства двора, — не финны, а русскіе, — и весь уловъ предназначается для государева стола. Улову ведется запись, и производится систематическая отправка по назначенію.

Закусили, налюбовались вдоволь бѣшенымъ каскадомъ, пошли прогуляться въ лѣсъ... Какая масса грибовъ и дикой малины!.. Финны не считаютъ грибы, даже ихъ лучшіе сорта, пригодными для пищи, — ихъ здѣсь не собираютъ — и такая масса превосходнаго питательнаго матеріала пропадетъ даромъ... Темнѣетъ, — пора на катеръ... Задуть легкой пордь-остъ, можно воспользоваться парусами... После минутной возни съ постановкою рангоута, нашъ катеръ легъ на правый бортъ, и мы ходко и плавно понесли по заливу... Покачивало.

Пройдя вдоль лѣваго борта „Ваяна“, мы рѣшили продолжать прогулку на парусахъ и, сдѣлавъ поворотъ, направились въ обходъ острова Котки съ его южной стороны, — такимъ образомъ мы, огибая островъ, прошли

вѣтъ роченсальскимъ рейдомъ и перемѣнили курсъ почти у самаго знаменитаго форта Славы, т. е. голой скалы съ остатками стараго укрѣпленія... Стемнѣло... На рейдѣ вдали и на берегахъ загорѣлись огоньки; зарево колоссальныхъ костровъ, гдѣ жгутъ опилки — разгоралось въ темнотѣ все ярче и ярче, придавая всей картинѣ поистинѣ феерическій видъ... Надъ темными горами лѣса взвилась ракета, лоннула и разсыпалась цвѣтными блестками... Вонъ другая проширѣла наискось... вонъ захлопали взлетающія высоко римскія свѣчи... Это фейерверкъ надъ коткинскими яхтъ-клубомъ. Обитателей мало, но имена ихъ знаютъ все другъ друга, а уже свой яхтъ-клубъ завели — и какой яхтъ-клубъ!

Я видѣлъ на другой день его яхты — прелесть что за суда! Последнее слово науки мореплаванія и паруснаго дѣла! И нѣтъ въ Финляндіи ни одного крохотнаго, прибрежнаго городка, гдѣ бы не было заведенія подобнаго рода...

Да, финны понимаютъ значеніе моря и умѣютъ его любить.

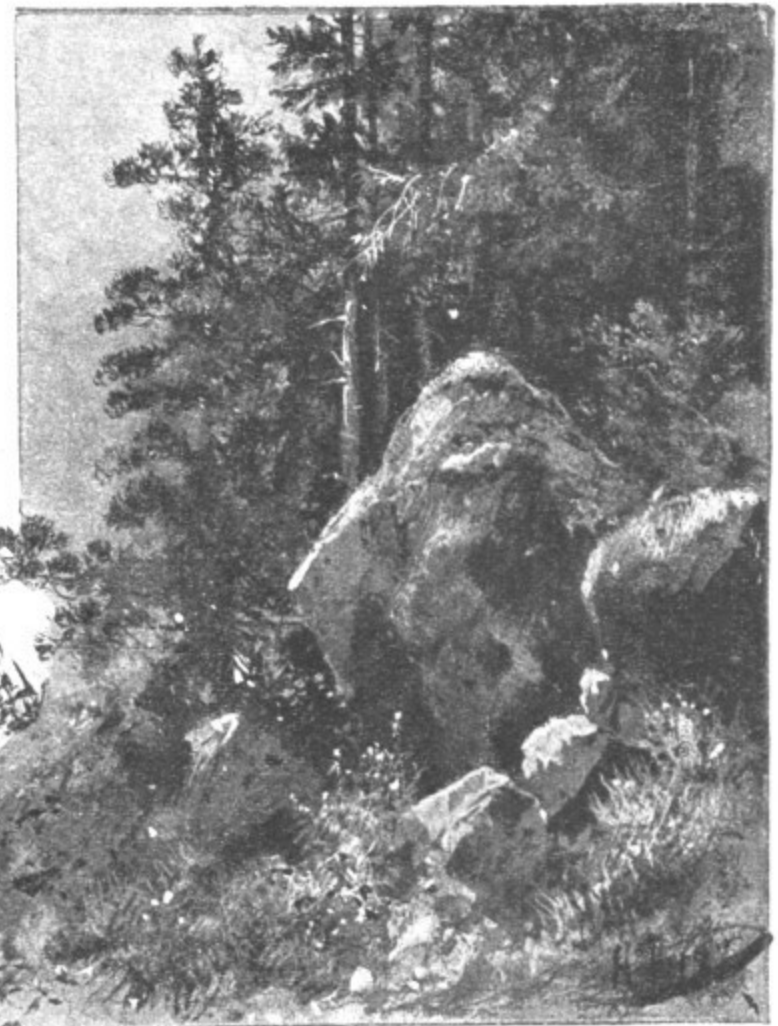
И убѣжденъ, что вы не встрѣтите ни одного обитателя этой бѣдной страны, который бы оказался полнымъ профаномъ морского дѣла... „Имя твоё уши да слышатъ!“

А все-таки жизнь здѣсь для нашего русскаго темперамента невыносима.

Уныло-рабочій день, разсчитанный, какъ я сказалъ уже, на мину-

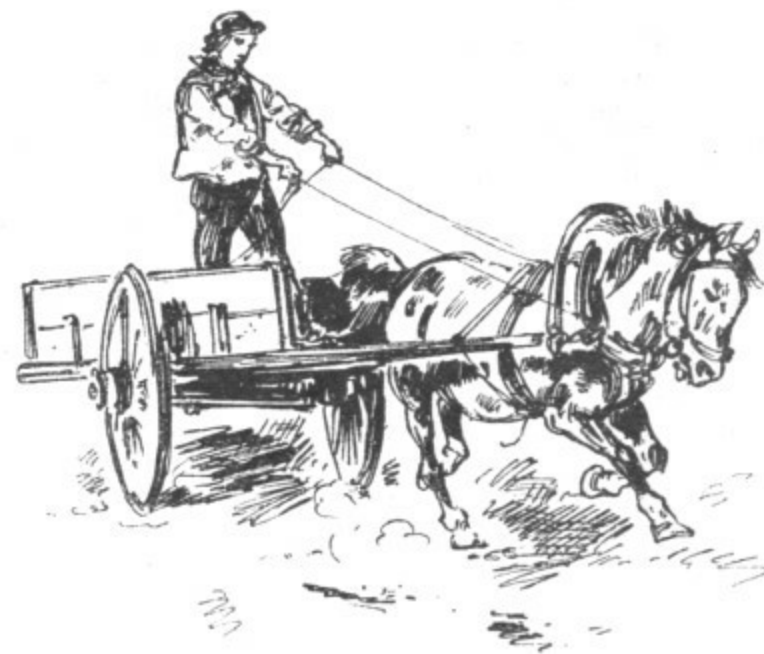
ты и на конейки. Уныло-пьяное воскресенье... Но и пьянство здѣсь угрюмое, скрытное — озлобленное, ведущее часто прямо къ удару пожомъ, даже безъ предварительной ссоры, и вмѣстѣ съ тѣмъ вишній пуританизмъ, — съ бродящими по улицамъ, даже въ вашъ домъ невольно врывающимися членами пресловутой „арміи спасенія“... Сюда уже забралась эта пропаганда... Къ намъ, въ гостиницѣ, подошли два члена этой арміи, — оказалось, одинъ капитанъ, а другой сержантъ; оба были дамы, въ длинныхъ темносинихъ юбкахъ и въ тапкахъ же кофтахъ; — у офицера шляпка завязана была красною лентою... Съ нѣмымъ укоромъ, — мы вѣдь не понимали по-фински, — онъ указалъ на бутылку вина, стоявшую передъ нашими приборами, и продалъ намъ пачку брошюрочекъ о вредѣ пьянства для души и тѣла.

Отъ Котки до станціи Коуволы, на самой главной желѣзной

дорогѣ на Гельсингфорсъ, ведетъ вѣтка около тридцати-сорока верстъ, не болѣе, но проѣздъ по этой вѣтви занимаетъ почти пять часовъ. Не мудрено: — это вѣтвь рабочая и служить дѣлительно всему околотку — поѣздъ останавливается чуть не на каждой верстѣ, — потому что каждому нужно слѣзть въ своемъ мѣстѣ, а слѣзти поѣзду некуда.

Въ Коуволы мы прибыли въ 11 часовъ ночи, а скорый поѣздъ изъ Гельсингфорса на Выборгъ приходитъ только въ 6 часовъ утра. Въ Коуволы приходится ждать почти 7 часовъ, — да еще ночью... У насъ даже на большихъ станціяхъ, при подоб-

ныхъ ожиданійхъ, вы принуждены бродить по платформѣ, или маяться на деревянной скамьѣ, въ буфетномъ залѣ, не имѣя возможности склонить свою усталую, сонную голову. Здѣсь и эта вполнѣ законная потребность путешественника принята къ свѣдѣнію желѣзнодорожной администраціей: тутъ вѣдь убѣждены, что не путешественники существуютъ для желѣзной дороги, а совсѣмъ наоборотъ — и вотъ, въ виду этого, на станціи Коуволы

выстроены отдельно прекрасный домъ съ двумя высокими и просторными дортуарами,—налево для мужчинъ, направо для женщинъ,—съ прислугой, умывальниками, прекрасными кушетками и всеми удобствами для покоя... Ложитесь и спите покойно,—васъ разбудятъ во-время для продолженія пути и не возьмутъ съ васъ за это ни конейки, потому что не виноваты въ томъ, что поѣздовъ нельзя свести иначе.

Такъ какъ нашъ путь шелъ на Выборгъ, то къ 9 часамъ

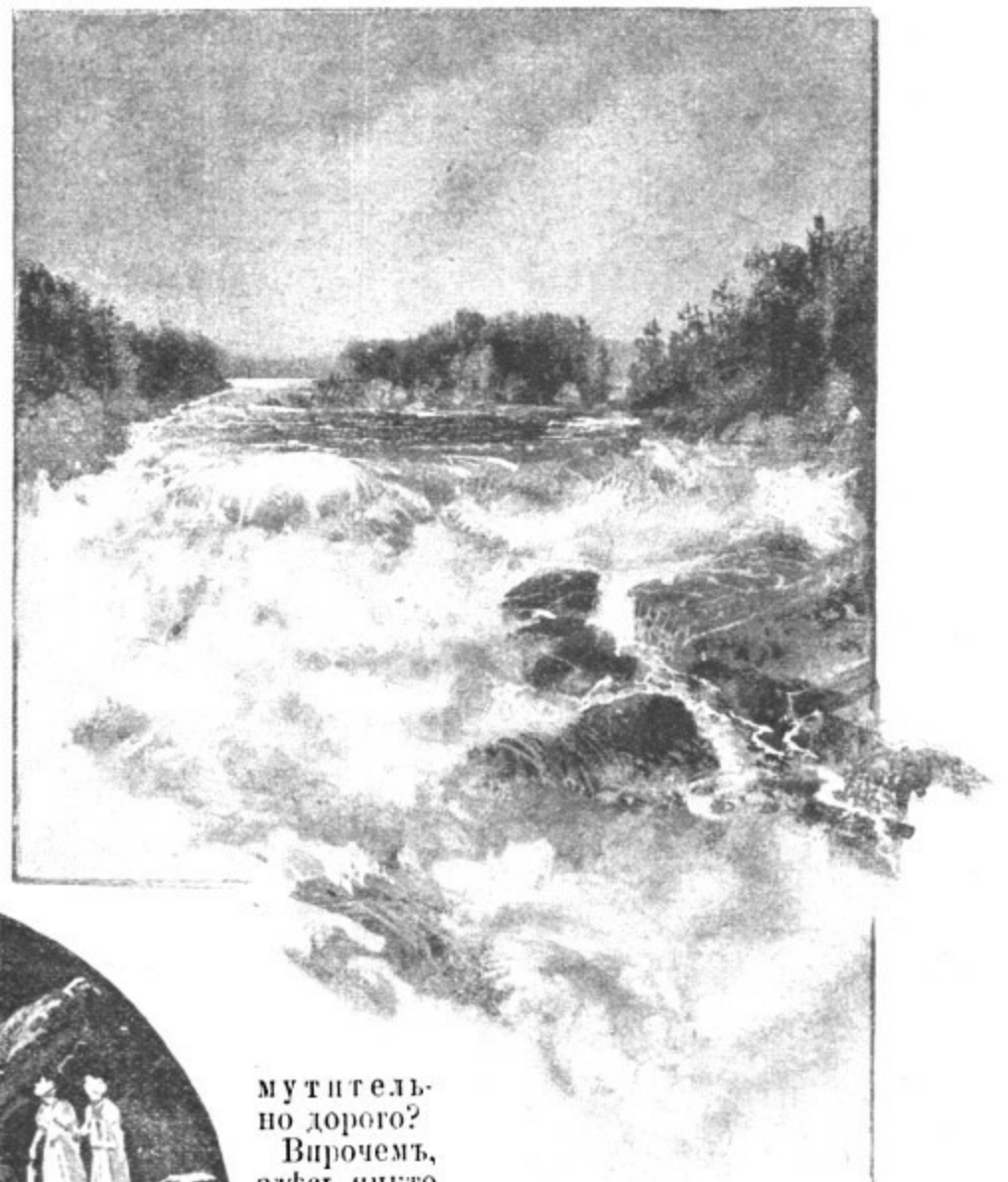
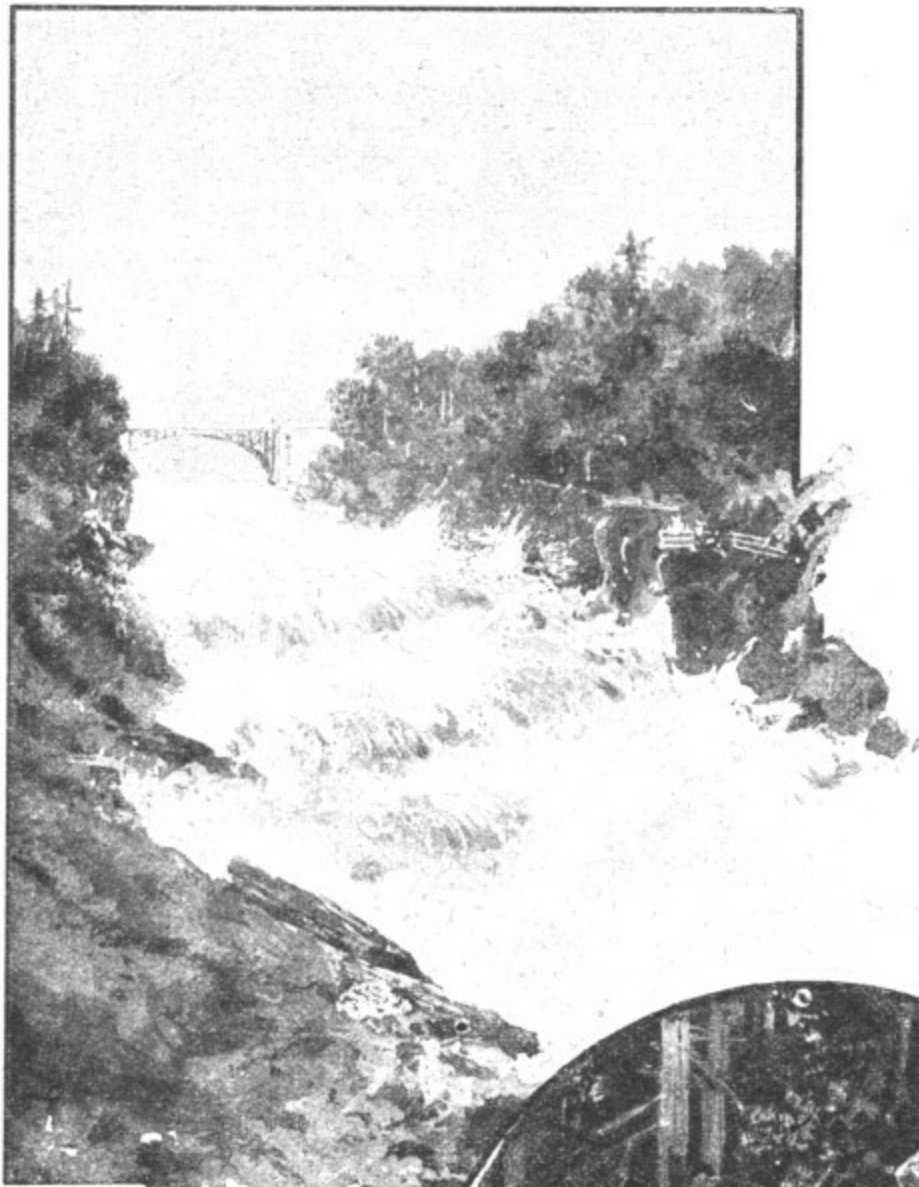

утра мы уже были на мѣстѣ въ этомъ, самомъ значительномъ городѣ Финляндіи, еще такъ недавно считавшемся русскимъ, но нынѣ, въ силу дипломатическихъ недоразумѣній, отошедшемъ къ Финляндіи со всею своею округою.

Еще есть у насъ свободныхъ два дня, надо имъ воспользоваться и посѣтить знаменитые каскады Иматры. Кстати,

преlestная прогулка по живописному каналу, и, закусивъ въ небольшой гостиницѣ — пока вамъ запрягаютъ лошадей,—вы продолжаете путь уже до самой Иматры на лошадяхъ. Дилижансы,—открытые и закрытые, судя по погодѣ,—запряженные тройками маленькихъ лошадокъ, не то чтобы очень уже быстро, но все-таки въ четыре часа времени докатываютъ васъ до самаго подъѣзда роскошной гостиницы „Иматра“, расположенной надъ самымъ обрывомъ праваго берега этой стремнины. Еще издали слышны ревъ и громовые раскаты этого могучаго потока, прорвавшаго себя въ гранитныхъ скалахъ широкое логовище. Трудъ и знаніе человѣка овладѣли уже этимъ дикимъ звѣремъ; берега соединены легкой аркою желѣзнаго моста, висящаго надъ всеокрушающимъ водонадомъ, электрическій лучъ свѣта прорѣзаетъ тучи водной пыли, ярко освѣтивъ пѣнистые гребни ревущихъ валовъ, изрытые, отвѣсные граниты береговъ... Массивные барьеры ограждаютъ неосторожнаго наблюдателя отъ паденія, а роскошь и комфортъ первокласснаго отеля заставитъ васъ забыть, что вы въ данную минуту находитесь въ дикой мѣстности, въ глубинѣ Финляндіи... Перекрестный говоръ на всѣхъ европейскихъ языкахъ и нашъ отечественный тоже въ относительномъ почетѣ.

Кто-то жаловался на безбожную дороговизну этой гостиницы, даже въ газеты проникалъ этотъ протестъ, но, право, это какое-нибудь недоразумѣніе: — за пять марокъ вамъ предлагаютъ прелеstную, уютную комнату-спальню, съ превосходной постелью, чистую, пріятно пахнущую смолистою сосною, съ электрическими пуговками по стѣнамъ, съ балкономъ и даже очень остроумно приспособленной веревочной лѣстницею на случай пожара; еще десять марокъ — и весьма приличное питаніе въ теченіе всего дня вамъ вполне обезпечено,—итого пятнадцать марокъ въ день. Если вы останавливаетесь на недѣлю и болѣе, желаете отдохнуть здѣсь и прожить хоть цѣлый мѣсяцъ, всѣ цѣны значительно понижаются, доходя до 150—200 марокъ полнаго мѣсячнаго пансіона... Развѣ это такъ воз-

здѣсь едва-но все, благодаря на это чудо природы была вполне комфортабельна и не пугала бы расходами путешественника даже съ самыми ограниченными средствами. Въ два часа изъ Выборга идетъ небольшой пароходъ; онъ направляется по Сайменскому каналу и тремя парными шлюзами поднимается на высоту Ретиярви — здѣсь кончается

мутительно дорого? Впрочемъ, здѣсь никто долго не живетъ. Непрерывный шумъ каскада и безноконная суетня жизни въ отелѣ скоро надоедаютъ вамъ настолько, что вы, вволю налюбовавшись эффектами этого мирового чуда, отправляетесь на желѣзнодорожную станцію, въ верстѣ отъ моста—новое удобство для туристовъ, съ удовольствіемъ берете билетъ прямо до Петербурга—и усаживаетесь въ вагонъ, чтобы въ тотъ же день, къ ночи, очутиться въ Петербургѣ, отдохнувъ душою и тѣломъ, съ удовольствіемъ вспоминая о хорошихъ сторонахъ своего маленькаго путешествія и добродушно забывая неизбежныя небольшія неприятности.